

Журнал «Чайка»

Современное оперное искусство без этого имени просто немыслимо. Его называют лучшим баритоном мира, он пел на самых престижных сценах: в Большом и Мариинском, Ла Скала и Метрополитен Опера. Дни его выступлений расписаны на несколько лет вперед. Но каждый год он приезжает в родной Красноярск, где родился и обрел свой неповторимый голос.

— Дмитрий Александрович, ваши предки сибиряки по рождению или, как это часто бывало, ссыльные польские революционеры и тому подобное?

— Сибиряков от рождения среди моих родственников довольно мало, разве что со стороны одной из моих прабабушек, потомственной казачки. Отец другой бабушки был из немцев Поволжья, в приснопамятные годы его сослали в Сибирь. Есть в нашем роду (со стороны мамы) и татары, и упомянутые вами поляки. А с отцовской стороны — украинцы и поляки, а фамилия наша — украинская.

— У известного поэта Риммы Казаковой есть относящаяся к сказанному вами строчка: «Интернационал у нас в крови»... В концерте в Большом зале Московской консерватории 3 октября вы исполнили Сюиту Шостаковича на стихи Микеланджело Буанаротти по-русски. Не знаю, как сюиты, романсы, но оперные партии принято, насколько мне известно, исполнять на языке оригинала...

— Шостакович написал музыку на русский текст, и традиционно эта сюита исполняется по-русски. Лишь один раз известный немецкий певец Дитрих Фишер-Дискау пел Микеланджело по-итальянски. Не могу сказать, что это было очень хорошо.

— Коль скоро мы заговорили о стихах, вы пожаловались как-то, что для вас каторга их запоминать. При вашем-то необъятном репертуаре — не наговариваете ли вы на себя?

— Одни стихи отличаются от других своей доступностью, значимостью, художественной ценностью. Я сделал несколько песенных программ, стихи довольно многих песен, увы, не слишком высокого качества, поэтому совершенно не лезут в голову. Вообще, куплетная форма стихотворений меня не очень-то вдохновляет.

— Вы даете немало благотворительных концертов, в том числе минувшей весной в Карнеги-Холл, вместе с Анной Нетребко. Интересуетесь ли вы, куда, кому конкретно идут собранные средства? Ну, если не вы — человек очень занятой — то ваши помощники?

— В 90-е годы, вернее, до конца 90-х годов, практически все концерты, которые я пел в России, были благотворительными. Но проследить, куда пошли собранные деньги, я не люблю, потому что... Ну, просто не хочу расстраиваться. От концерта в Карнеги Холл с Анной Нетребко деньги, вероятнее всего, попали по назначению, потому что организовала концерт очень приличная фирма.

— В минувшем сезоне в Метрополитен Опера вашей партнершей в «Евгении Онегине» была Рене Флеминг. Мне посчастливилось побывать в тот вечер в МЕТ, и нам, русско-американской публике, слышался в партии Татьяны голос Анны Нетребко — с ее неподдельным драматизмом и актерским мастерством... Нет такого проекта — Дмитрий Хворостовский и Анна Нетребко в «Евгении Онегине» или другой опере?

— О таком проекте со стороны моего менеджмента я не слышал. Аня, скорее всего,

предполагает спеть эту партию, но говорить с полной уверенностью о ее репертуаре я просто не могу, не имею права. Аня прекрасно справилась бы с этой ролью — и в голосовом, и в драматическом плане, она была бы очень органична в роли Татьяны. В общем, давайте вместе наберемся терпения.

— Хорошо. Для вас существуют профессиональные музыкальные барьеры, которые вы, на ваш взгляд, пока что не преодолели?

— Конечно, есть масса непреодоленных вещей — это, во-первых. Во-вторых, каждый выход на сцену — это бой с открытым забралом. Никакие твои регалии, заслуги, записи, недавний успех ни в коем случае не должны влиять на твое состояние на сцене в данный момент. На сцену ты выходишь, как оголенный нерв, а представить себе нерв, увешанный орденами, медалями, грамотами довольно трудно, согласны? (Смеется).

— Да уж, хотя Леонид Ильич, говорят, петь любил... Как вы преодолеваете проблемы интерпретации, например, в дуэте? Пересматриваете свою трактовку или стараетесь убедить партнера в своей правоте? Как приходите к соглашению?

— Это происходит автоматически, как в любом человеческом диалоге. Если со стороны партнера идет иное восприятие, то твоя интерпретация меняется в том же ключе. Конечно, продолжаешь придерживаться какой-то определенной концепции, которую ты хорошо знаешь, но случается, что новый партнер тебя приятно огорошивает, ты начинаешь искать новое, от чего тебе делается по — настоящему, по-музыкантски и по-актерски, интересно.

— Вы с женой Флоранс уже дебютировали, кажется, в качестве дуэта? Ваше совместное творчество продолжится?

— Сейчас нам с женой надо встать на ноги — и в прямом, и в переносном смысле: у нас три месяца назад родилась дочь Ниночка. И жена, конечно, сейчас занята. Но о дуэте мы не забываем. К сожалению, от концерта, который должен был состояться в Москве, Флоша, в силу своего тогдашнего положения, отказалась, концерт пришлось перенести на будущее. Жена уже давно начала заниматься с известным нью-йоркским педагогом, и я уверен, что скоро она достигнет вполне профессиональной кондиции, и мы сможем с ней вместе выступить. Скорее всего, это случится уже в Соединенных Штатах.

— Какая партия для вас самая трудная с эмоциональной и технической точки зрения?

— Пожалуй, назову все-таки оперу «Риголетто». Не только для меня, но и для многих баритонов эта опера — наиболее трудная, наиболее энергоемкая. Петь необходимо с какой-то долей холодного расчета, потому что пение с полной отдачей может тебя просто измотать — и морально, и физически. Не исключены просто физические повреждения голосовых связок. Я спел три или четыре постановки этой оперы и не могу сказать, что делаю это легко: я всегда должен быть настороже, не отпускать свои эмоции — это, повторяю, может закончиться плачевно. Я, если угодно, даже побаиваюсь этой оперы.

-Галина Павловна Вишневская открыла в Москве оперную студию. Не хотите ли последовать ее примеру? География значения не имеет...

— Не имею на такой поступок ни времени, ни права. Пока что все мое время принадлежит моей певческой деятельности. Даже на мастер-класс у меня нет, как правило, времени. А чтобы заниматься такой подвижной деятельностью, как Галина Павловна, мне нужно просто уйти на пенсию, то есть подождать лет двадцать (смеется).

— Но в принципе вы такой деятельности для себя не исключаете?

— Все-таки певческий век недостаточно долгод и достаточно непредсказуем. Всякое может стать — со здоровьем, с голосом и так далее. И придется пересматривать свои позиции, заняться деятельностью такого рода, о которой ты раньше и не помышлял. Я даже немного суеверно побаиваюсь всего этого.

То, что делает Галина Павловна Вишневская, — настоящее подвижничество. Существование школы довольно успешно, я пел в ней сразу после ее открытия... Школа продолжает бурлить, функционировать, надеюсь, так будет всегда.

— Вы, я думаю, встречались с Лучано Паваротти. Говорят, он был замечательным человеком, а не только великим певцом?

— Об этом я могу говорить только понаслышке, поскольку мы не были друзьями, часто не встречались. Я остаюсь почитателем его огромного, непревзойденного таланта. С самого детства я был заморожен красотой и удивительной чистотой, искренностью его голоса. Я всегда ловил себя на мысли, что мне не хотелось с ним знакомиться, чтобы, не дай Бог, не разочароваться. Я был просто слепым обожателем его таланта. Я поистине скорблю об его уходе. Я знаю многих людей, которые были освещены светом его личности, он дарил их своим теплом, любовью. Они — мои друзья, поэтому я могу сказать, что мы с Лучано тоже отчасти были друзьями. Он знал обо мне, мы с ним вместе пели, он следил за моим искусством, за моей карьерой. Подобного феноменального голоса, искреннего, чистого артистизма, пожалуй, не было ни в XX веке, ни в текущем XXI.

— Дмитрий Александрович, выслушав ваш взволнованный монолог памяти великого артиста, я подумал: почему бы вам не начать писать вот такие портреты, возможно, даже книгу воспоминаний?

— Об этом мне, честно говоря, даже не думается. Я не нахожу в себе того значимого, что я мог бы рассказать людям. Хотя встречи с выдающимися людьми и были, и продолжаются. Но я никогда не писал — ни в детстве, ни в другие периоды моей жизни, никогда ни о чем не рассказывал, за исключением тех случаев, когда меня очень об этом просили. Поэтому пока что мой рот закрыт на замок (смеется).

— Какие виды искусства, кроме музыки, вас вдохновляют? Какие книжки вы читаете, любите ли спорт?

— Безусловно, я гуманитарий, меня интересуют литература, живопись, скульптура. В детстве я скульптурой занимался, и с тех пор немного отношу себя к людям этой творческой профессии. Спорт? В последние годы я начал заниматься им очень активно, многое пересмотрел в своем отношении к спорту и к значению спорта в моей жизни. В последний год я очень изменился благодаря спорту. Много времени провожу в джиге, бегаю, плаваю. Мне даже кажется, что я потихоньку превращаюсь из артиста в спортсмена (смеется). Вы знаете, конечно, что в России проводятся соревнования для людей творческих профессий — по фигурному катанию, например. Так что может случиться, что вы увидите меня на своих телеэкранах в иной ипостаси (смеется).

— Будем за вас болеть, Дмитрий Александрович. Что значит для вас семья, дружба, простые человеческие проявления сердечности, благожелательности?

— Дружба, искренность, любовь, чистота отношений для меня — все. Непредательство! Любого вида предательство повергает меня в абсолютный шок. Еще — неискренность, которую в нашем деле встречаешь сплошь и рядом. Чистые, искренние люди для меня гораздо желаннее остальных. Наши с женой отношения — самое сокровенное, чем я дорожил и продолжаю дорожить.

